

С точки зрения подхода, который в социологии называют “конструкционистской парадигмой”, социальные события, институциональные и обыденные практики различаются по уровню сложности и проблемности, но среди них следует отличать особый род ситуаций – *социальные проблемы*, непосредственно связанные с трансформационными периодами в развитии обществ [Ясавеев И.Г. 2001. С. 262–263]. Социальные проблемы возникают тогда, когда в отношении некоторой ситуации начинает формироваться “горизонт символических событий”: акторами, действующими лицами выдвигаются конкурирующие и несогласные друг с другом утверждения и требования, проблематизирующие эту ситуацию по-разному – в зависимости от намерений, опыта и конкретных жизненных обстоятельств человека или сообщества. То есть для возникновения и существования любой социальной проблемы требуется не только и не столько “объективная опасность”, но в значительной степени – субъективное суждение одной или нескольких социальных групп, общностей, организаций.

И. Климов

Деньги вместо льгот

О социальной предьистории одной реформы

Проблемная ситуация, связанная с социальными льготами, формировалась в течение целого ряда лет, но в публичных дискуссиях, в политических баталиях она практически не присутствовала – по крайней мере, в качестве самостоятельной темы. Ощущение неблагополучия и неправильности происходившего в данной сфере существовало у многих, но это было “всего лишь” еще одним, более или менее рядовым свидетельством общего “движения-не-туда”, еще одним эпизодом в череде потрясений “переходного времени”. То есть и в общественном сознании, и в публичном дискурсе проблема социальных льгот присутствовала как тематический “подпункт” других проблемных полей, актуальность которых была уже артикулирована и признана.

Для того чтобы возникла компонентная обособленность данной проблемы, необходимы были две вещи. Во-первых, общее снижение градуса социального недовольства, демобилизация стресса – что, без сомнения, произошло с наступлением “периода стабильности”*. Во-вторых, содержательное выделение темы из плотного клубка

* По мере того как формировалось ощущение стабильности, возникали обыденные представления об изменениях в ритме и в принципах общественной и политической жизни, это приводило, в числе прочего, к снижению “социетальной тревожности”, обеспокоенности “сакраментальными” вопросами: “Как жить?”, “Куда движется страна?”, “А есть ли план?”, “Какова наша национальная идея?” Само наличие последних выдавало общую растерянность, дезориентированность людей в складывающейся ситуации неопределенности, высокую интенсивность опасений, удастся ли справиться с возникающими трудностями и непредвиденными обстоятельствами.

Немного хронологии.

13 мая – правительство представило свое намерение реформировать систему социальных льгот в Совете Федерации.

1 июня – заседание Госсовета о финансовом обеспечении социальных обязательств, после которого тема льгот стала медийным фактом.

10 июня – всероссийская акция протеста, организованная профсоюзами.

2 июля – Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект о замене социальных льгот денежными выплатами. Одновременно в ряде городов прошли акции протеста против планируемой реформы.

5 августа – Государственная Дума приняла закон в третьем, окончательном чтении.

8 августа – Совет Федерации одобрил закон о замене льгот деньгами.

9 августа – в Администрацию президента передано письмо за подписью 80 тысяч россиян с призывом наложить вето на принятый закон о монетизации льгот.

22 августа – В. Путин подписал закон о льготах, однако об этом было сообщено 28 августа. (РИА “Новости”)

иных актуальных вопросов современности. В данном случае механизм оказался прост – это *программное внимание власти*, предложившей проект своих действий в этой сфере и заявившей о твердом намерении “навести здесь порядок”.

В тот момент, когда власти заявили о решении заменить натуральные льготы денежными выплатами, общественное внимание не просто сфокусировалось на проблеме, но очень быстро стало различать в ней множество полутонов и оттенков смысла: реформа стала рассматриваться уже не только как экономический и социоинженерный проект, но и как символический продукт. Кроме того, мгновенно возникло понимание (безусловно, предуготовленное ранее), что во всех своих аспектах реформа непосредственно затронет повседневную жизнь большого числа людей, большего, чем число льготников – адресатов реформы. Все это в значительной степени повлияло на ее ход, на оценки и восприятие ее разными социальными акторами. Уже в этот момент можно было предполагать, что реализация реформы будет проходить как минимум в четыре этапа и каждый из них будет сопровождаться появлением специфических факторов, “управляющих” развитием общей ситуации.

Первый этап – это появление идеи в публичном пространстве, выстраивание доводов и контрдоводов в отношении нее. В этот момент происходит не просто ознакомление с базовыми идеями реформы, но также появляется понимание того, кто является участником данной проблемной ситуации, осваиваются аргументации “за” или “против” реформы, формируются ожидания и определенные представления о ее возможных последствиях.

Второй этап – от момента обсуждения в Государственной Думе до подписания закона президентом – это законодательное оформление преобразований. На данном этапе, во-первых, происходит позиционирование политических игроков и одновременно – разворачивание агитационных стратегий. Во-вторых, реформа, прежде существовавшая только как идея, намерение, отныне приобретает новый статус – она становится *фактом*.

Третий этап – начало реализации реформы. Это всегда наиболее конфликтный период: когда реформа “доходит до адресата”, люди начинают чувствовать определенное давление на свою повседневную жизнь и, возможно, даже ощущать ее ломку. Закономерно было ожидать, что (как это было, например, в случае с деноминацией 1997 года) неизбежно появятся “проблемы интерфейса” – совместимости организационного и технического обеспечения реформы с освоением значительным числом россиян новой, непривычной, несущей разного рода проблемы практики.

Четвертый этап – реакция инициаторов реформы и власти в целом на реакцию со стороны общества. Именно на этом этапе определяется судьба любых преобразований – либо они будут свернуты (тем или иным образом), либо будет найден способ их более или менее последовательной “социализации”.

Социальные льготы как концепт обиденного сознания

Сложная и неблагоприятная ситуация с социальными льготами сформировалась в первой половине 90-х годов, когда и без того громоздкая система советского времени дополнилась большим количеством новых социальных обязательств российского государства, реальное и полное исполнение которых было невозможным. По экспертным заключениям аудиторско-консалтинговой компании ФБК, законодательство в сфере социальных льгот исполнялось примерно на 10–15%, а весь расчетный (теоретический) объем льгот составлял 68,3% бюджета страны [Экономика льгот. 2003. С. 5]. Проблема существовала, но никакой содержательной динамики здесь долгое время не наблюдалось: эта тема не фигурировала в качестве самостоятельной ни в представлениях людей, ни в политическом дискурсе, не была основой для мобилизации мнений и коллективных действий, не была связана с политически-

Фото С. Куклина

ми рисками и не вызвала панических общественных реакций. То есть *проблемная ситуация* не превращалась в *социальную проблему*. Об этом, например, свидетельствуют материалы одного из опросов, проведенного ФОМом осенью 2000 года*.

Данные показывают, что ситуацию в сфере социальных льгот люди в тот период оценивали преимущественно негативно, однако в “списке” актуальных проблем эта тема занимала отнюдь не лидирующие позиции. Существовавшую систему распределения льгот считали справедливой 18% опрошенных, несправедливой – 68%. При этом неудовлетворенность положением дел в этой сфере уже в тот момент выражали не только пенсионеры и льготники, но и представители других групп, обладающих большими социальными ресурсами**. Идея замены натуральных льгот денежными компенсациями казалась тогда привлекательной 38% россиян (треть из них – 11% от общего числа опрошенных – сельские жители). Один из аргументов в пользу замены льгот выплатами – появление “на руках” у людей дополнительных денег, возможность получать компенсацию за те льготы, которыми не доводится пользоваться. Однако те, кто считал, что льготы предпочтительнее денежных выплат, все-таки оказывались в большинстве (45%). По их мнению, прежняя система более эффективна, так как деньги могут оказаться неэквивалентными льготам – из-за “нецелевого использования”, несвоевременности выплат, инфляции.

Итак, мы видим, что тема социальных льгот присутствовала в сознании россиян, хотя и не имела самостоятельной проблематизации. Некоторые значимые особенности установок по проблеме проявились уже в это время. Самое главное здесь – символическое “прочтение” льгот как таковых: с одной стороны, это гарантии государства и моя уверенность, что я не окажусь брошенным на произвол судьбы, с другой стороны, это “признание заслуг” и род благодарности со стороны власти и общества. Отвечая на вопрос модератора, кому, по их мнению, должны предоставляться льготы, участники фокус-групп (2000 год) в первую очередь называли ветеранов,

* Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 30 сентября–1 октября 2000 года. 1500 респондентов. Далее приводятся данные этого же опроса.

** См. приложения (распределения ответов по социально-демографическим группам) к: Доминанты. Поле мнений. 2000. № 24.

Фото С. Кукина

чернобыльцев, инвалидов, матерей-одиночек – то есть группы, обладающие весомым “символическим капиталом”.

“Льготы – это обязательства страны для людей, которые имеют разные заслуги перед государством – кто здоровьем жертвовал, трудился или воевал на благо своей страны. Или же, конечно, это те, уровень жизни у кого низкий, – инвалиды вот как, чернобыльцы” (ДФГ, Новосибирск, 2000).

Кроме того, опросы показывали, что россияне – “по ассоциации” с темой социальных льгот – обсуждали (и не скупилась на резкие эпитеты) тему привилегий и льгот для чиновников, депутатов и т.д., хотя формально это совершенно иной тип социальных обязательств государства*.

“У нас о социальных льготах вообще говорить не приходится. Льготы, но не социальные. Есть привилегии – известно кому, вот там они и ощущаются. А социальной помощи тем, кто действительно нуждается, просто нет” (ДФГ, Самара, 2000).

С 2000 года тема социальных льгот практически не становилась предметом публичных дискуссий, но ее структурные компоненты получали “подпитку” благодаря актуализации смежных тем. Например, пенсионная реформа. Она лишь в незначительной степени зацепила внимание россиян: спустя почти три года с ее начала – в ноябре 2003 года – о ней “знали” 31% респондентов, “что-то слышали” – 40% и впервые услышали от интервьюера – 27%**.

Существенного ажиотажа или всплеска опасений пенсионная реформа не вызвала, однако тема “социальных гарантий” неизменно возникала в любых разговорах, посвященных как этому, так и другим сколько-нибудь близким сюжетам – будь то банковский кризис, введение единого социального налога, нововведения в области образования или в сфере ЖКХ [Гвоздева Е. 2003. № 41].

* Закономерно, что тема “льготы чиновников и депутатов” всплыла в разговорах россиян уже в связи с нынешней реформой. Как показывают опросы, она составила заметный содержательный и оценочный фон обыденных обсуждений. 59% россиян полагают, что сегодня есть люди, группы населения, пользующиеся льготами, которые им не следовало бы предоставлять [Доминанты. Поле мнений. 2000. № 16].

** Вопрос: “Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые о том, что в этом году вводится новая пенсионная система?” [Доминанты. Поле мнений. 2003. № 40].

Опросы показывают, что подавляющее большинство россиян (65%) рассматривают льготы как *государственную поддержку тех, кто в ней нуждается*^{*}. В ответах на открытый вопрос: *“Как Вы понимаете выражение “социальные льготы”?”* – говорится о жизненно важном значении льгот для неимущих и в целом для низкоресурсных групп: ветеранов, инвалидов, многодетных семей и т. д. Очень часто неденежная поддержка этих категорий населения понимается как *безусловная обязанность* государства, одна из главных его функций. Хотя иногда в ответах такого рода звучит и саркастическая нота: льготы – это помощь нищего государства нищим людям.

“Государство дает то, что положено: например, инвалидам – лекарства со скидкой”; “кто-то мне должен оказывать помощь от государства, раз платная медицина – чтобы я могла вставить зубы, сделать операцию и так далее”; “когда государству нужны люди, это его обязанность – помогать многодетным, инвалидам, тем же ветеранам, которые за него воевали”; “это вместо хорошей жизни, государство больше ничего им предложить не может” (открытый вопрос).

В связи со сказанным неудивительно, что самое первое и самое эмоциональное прочтение планов реформы (после того, как они были обнародованы в начале лета 2004 года) сводилось к формуле: *“государство отказывается помогать социально незащищенным людям”*. Большая часть ответов на вопрос: *“Как Вы считаете, зачем, с какой целью правительство планирует заменить некоторые социальные льготы на денежные выплаты?”* – содержит отрицательные оценки еще только анонсированной реформы (26%). Чаще всего люди говорили о том, что таким образом государство решило отказаться от своих социальных обязательств (12%), об *“очевидной”* противопоставленности интересов населения интересам власти имущих (10%) [Климова С. 2004. № 23].

“В очередной раз “обуть” стариков и обиженных судьбой людей”; “чтобы никаких обязательств перед гражданами не иметь”; “хотят бюджет пополнить, чтобы себе на зарплату выкроить”; “выгоду для себя, а не для народа” (открытый вопрос).

По таким противопоставлениям, по высказываниям участников дискуссионных фокус-групп о возмутительности отмены льгот самым уважаемым членам общества – героям войны, героям труда, – при сохранении льгот чиновникам, видно, что с самого начала произошла актуализация представлений о льготах как о *компенсации несправедливости* в распределении благ. Безусловно, россияне усматривали в реформе и позитивные моменты: возможность тратить денежные выплаты по своему усмотрению, а не получать услуги низкого качества, возможность решить проблему неполучения положенных льгот, надежду на упрощение процедур по оформлению документов и т. д. (суммарная доля таких ответов на открытый вопрос составила 21%). Следует обратить внимание на то, что в ответах на самые разные открытые вопросы о льготах в основном говорилось о типичных *обыденных проблемах* россиян, а каких-либо более общих соображений – например, об экономической неэффективности и необоснованности существующей системы, о ее запутанности и *“непрозрачности”* – практически не встречалось. Этот аспект проблемы не был актуальным для людей в 2000 году, не стал он более значимым для них и по ходу реализации реформы в 2004-м.

Еще надо отметить, что соображения о возможных положительных моментах реформы системы социальных льгот зачастую соседствовали с целым рядом опасений

^{*} Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 5–6 июня 2004 г. 1500 респондентов.

Принятием Федерального закона № 122-ФЗ правительство РФ начало широкомасштабную реформу социальных льгот, в результате которой 155 законодательных актов, содержащих те или иные льготы, претерпели значительные изменения, а 41 закон признан утратившим силу.

(одни и те же люди могли говорить как о положительных, так и об отрицательных последствиях): “Основа отрицательного отношения к замене льгот выплатами – недоверие правительству. Опрошенные сомневаются в том, что денежные пособия смогут компенсировать все положенные льготы; опасаются, что деньги будут “съедены” инфляцией и разворованы недобросовестными чиновниками на местах, что получение пособий будет сопряжено с немалыми затратами сил и времени, непосильными для многих льготников” [Климова С. 2004. № 23].

Таким образом, уже первые опросы, проведенные сразу после появления темы в публичном пространстве, показали важную особенность восприятия проблемы социальных льгот. Практически мгновенно произошла кристаллизация и смычка сразу нескольких содержательных компонентов, тематических структур, систем интерпретаций, прежде существовавших более или менее изолированно и проявлявшихся от случая к случаю. К таким значимым компонентам относятся:

- символический аспект социальных льгот (льгота как заслуга, как гарантия, как внимание и признательность государства, как атрибут определенного социального статуса и, конечно же, как способ “достижения социальной справедливости”);
- экономический аспект (эквивалентность замены, надежда на улучшение благосостояния, на упрощение процедур оформления льгот и т.д.);
- проблема ответственности властей (действует ли правительство в интересах простых россиян, может ли сделать все “по уму”, способно ли не только разработать реформу, но и реализовать ее на уровне многообразных жизненных ситуаций людей, кто несет ответственность за негативные последствия – не в абстрактном, а в прикладном и прагматическом смысле: как будет все проходить, куда идти и кому звонить при необходимости и т.п.).

То есть обнародование реформаторских намерений власти в отношении социальных льгот актуализировало целый комплекс очень острых проблем и одновременно стало своеобразным “тематическим мостиком” между ними, сформировало у россиян совершенно определенный “горизонт” ожидаемых событий и спектр интерпретаций. Так что история с заменой социальных льгот денежными выплатами летом и осенью 2004 года развивалась не только на формально-сюжетном уровне, но и на уровне “субъективной реальности” – переживаний, обсуждений, обыденного теоретизирования и напряженного вслушивания в информационные сообщения по этой теме.

Первые шаги реформы и первые коллизии

Первое, что зафиксировали опросы ФОМа, – это очень быстрая мобилизация внимания людей, мгновенное – по сравнению с иными информационными поводами – включение россиян в проблему. Уже в самом начале, как только вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами стал обсуждаться в СМИ, доля информированных о планируемом нововведении составила 73%, а спустя месяц, в первой декаде июля, она поднялась до 87%*. О своей заинтересованности и включенности в проблему в начале лета говорила половина респондентов (51%), в июле эта доля выросла до 65%** (рис. 1).

Опросы показывали, что при неоднозначном, хотя по большей части все-таки негативном, отношении к идее заменить льготы деньгами люди в общении между собой, в разговорах и спонтанных обсуждениях гораздо чаще обменивались именно

* Сумма ответов тех, кто выбрал первую или вторую позицию на вопрос: “Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о планах правительства заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами?”

** Вопрос: “Скажите, пожалуйста, Вас лично вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами интересует, волнует или особо не интересует, не волнует?”

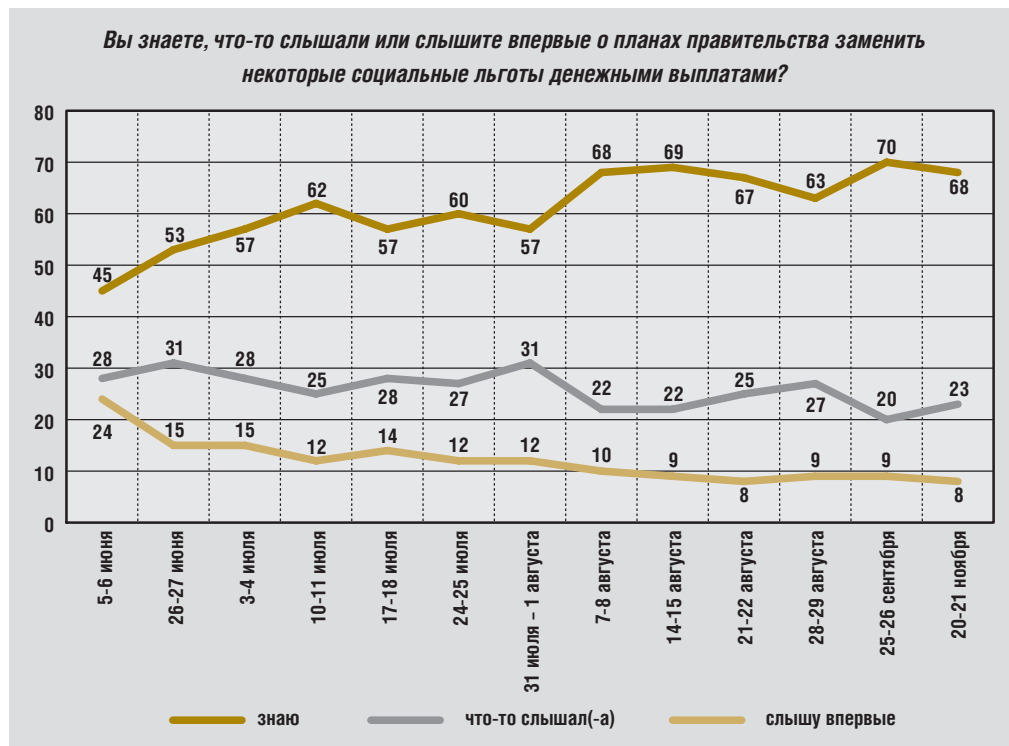

Рисунок 1

отрицательными суждениями. И как раз повседневные разговоры, обмен мнениями и эмоциями существенно сильнее влияли на оценки россиян, нежели официальная информация, выступления политиков и чиновников [Бавин П. 2004]. Разумеется, среди самих льготников внимание к реформе было более мобилизованным и более устойчивым, чем у населения в целом: в течение лета доля информированных устойчиво держалась на уровне 93–95% от числа опрашиваемых льготников, а доля эмоционально включенных в проблему варьировалась в пределах 85–90% [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 47].

Первая декада июля сделала явной еще одну тенденцию: обозначились *структурные изменения* внутри категории негативно оценивающих планы правительства [Климов И. 2004. № 28]. С одной стороны, продолжала происходить мобилизация внимания к теме социальных льгот среди низкоресурсных групп населения (люди социально неадаптированные, с низкими заработками, пожилые, с неполным средним образованием). С другой стороны, заметно чаще других о своем отрицательном отношении к реформе стали заявлять представители *высокоресурсных* групп (среди них льготников очень немного) – люди вполне адаптированные к сегодняшней жизни, с высокими заработками, имеющие высшее образование и – самое главное – в активном и трудоспособном возрасте (36–54 года)*. Данные показали, что россияне стали активнее обсуждать проблему и чаще склонялись к негативным оценкам нововведений, тогда как внимание и доверие к публичным выступлениям чиновников оставались на прежнем уровне. Даже среди молодых людей (18–35 лет), традиционно более дистанцированных от социальных и политических коллизий, доля

* Так, за неделю (с 3 по 10 июля) доля противников реформы выросла среди респондентов с высшим (с 50 до 58%) и со средним специальным образованием (с 44 до 51%), среди лиц с доходом более 2000 рублей на члена семьи в месяц (с 42 до 49%), среди социальных оптимистов (с 32 до 43%), а также среди тех, кому от 36 до 54 лет (с 39 до 48%), – несмотря на то, что к числу льготников в этой возрастной категории принадлежит только каждый пятый.

Рисунок 2

негативных оценок за неделю (с 3 по 10 июля) выросла с 32 до 38%, а доля затруднившихся определить свое отношение к реформе снизилась с 39 до 28%. Это означало, что инициаторы реформы стали быстро «сдавать позиции» как раз в тех социальных группах, которые, по идее, должны были бы поддерживать разумную с экономической точки зрения новацию или же быть толерантными к ней. Осуществлять экономическую стратегию любого рода чрезвычайно сложно без поддержки в соответствующих социальных группах: либеральную – в высокоресурсных, дирижистско-элитарную – в низкоресурсных. Если высокоресурсные группы не поддержали либеральное по своим исходным намерениям начинание, не восприняли его как экономически и социально оправданное, то это говорит об изначальном дефиците «символического капитала» у данной реформы.

Третий эпизод в «истории социализации» реформы, о котором следует сказать особо, связан с периодом ее законодательного оформления. С первых дней июля в работе основных российских телеканалов обнаружилась заметная тематическая константа: в телевизионной «повестке дня» рассказы о полезности реформы стали регулярной практикой. Аудитория таких передач и телесюжетов была довольно существенной: например, в первом из августовских опросов (7–8 августа) 40% россиян ответили, что им приходилось видеть по телевизору какие-либо сюжеты о замене льгот денежными выплатами, и 39% сказали, что им встречались разъяснения официальных лиц о порядке проведения реформы**. Правда, воздействие этого объяснительно-новостного потока было крайне неоднозначным. Разъяснения чиновников и политиков называли полностью или отчасти непонятными 20% респондентов, понятными – 18%; телевизионные сюжеты вызвали несогласие примерно у 22% россиян, а 18% были склонны соглашаться с ними***. Тем не менее агитация в поддержку реформы дала вполне ощутимые результаты: в первой декаде

* См. приложения (развернутые таблицы по социально-демографическим группам) к: Доминанты. Поле мнений. 2004. № 27, 28.

** Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 7–8 августа 2004 г. 1500 респондентов.

*** О том, что вызывало согласие, а что заставляло не соглашаться, см. данные открытых вопросов: Доминанты. Поле мнений. 2000. № 16.

Рисунок 3

августа доли положительно и отрицательно относящихся к замене льгот деньгами сравнялись: 39% против 39%. Среди льготников также наметилась конверсивная динамика, хотя доля негативно воспринимающих реформу все равно оставалась преобладающей (рис. 2, 3).

С большей интенсивностью процесс конверсии мнений происходил в высокоресурсных группах – среди людей социально адаптированных, со сравнительно высокими доходами, имеющих среднее специальное или высшее образование. Среди тех, кого принято относить к низкоресурсным категориям (это, в том числе, сами льготники), конверсия мнений оказалась менее выраженной, она происходила заметно труднее – через период определенного рода растерянности, о чем свидетельствует некоторый рост доли затруднившихся с ответом.

Анализ и сопоставление данных нескольких опросов позволяют заключить, что ни обыденные разговоры, ни факт окончательного принятия закона Государственной Думой (5 августа), ни разъяснения официальных лиц не оказали существенного влияния на динамику мнений россиян по обсуждаемой проблеме. На отношение людей к реформе льгот повлиял телевизор*. Данные опросов 24–25 июля** и 7–8 августа*** показали, что среди тех, кто видел какие-то сюжеты о льготах и воспринял их с согласием и доверием, за две недели значительно выросла доля положительно относящихся к реформе (с 61 до 71%) и сократилась доля настроенных отрицательно (с 24 до 18%). Кроме того, среди утверждавших, что им не приходилось видеть телесюжетов о льготах, неожиданно сократилась доля затрудняющихся определить свое отношение к реформе (с 38 до 30%) и одновременно выросла доля поддерживающих ее (с 31 до 38%). По всей видимости, какие-то сюжеты эти люди все-таки

* Подробный анализ факторов, повлиявших на оценки людей, см.: [Климов И. 2004. № 32].

** Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 24–25 июля 2004 г. 1500 респондентов.

*** Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 7–8 августа 2004 г. 1500 респондентов.

Таблица 1

	Опросы							
	24-25 июля				7-8 августа			
	все	среди телесюжетов о льготах			все	среди телесюжетов о льготах		
		телесюжеты о льготах видеть не приходилось	больше тех, с которыми согласен(-а), которым доверяю	больше тех, с которыми не согласен(-а), которым не доверяю		телесюжеты о льготах видеть не приходилось	больше тех, с которыми согласен(-а), которым доверяю	больше тех, с которыми не согласен(-а), которым не доверяю
Доли групп, %	100	41	19	25	100	46	18	22
Как Вы лично относитесь к планам заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами – положительно или отрицательно?								
Положительно	33	31	61	18	39	38	71	12
Отрицательно	38	31	24	67	39	32	18	73
Затрудняюсь ответить	29	38	15	15	22	30	11	15

видели, но в их восприятии они не были увязаны с проблемой льгот, что неудивительно – многие телевизионные сообщения строились на приемах “косвенной агитации” (табл. 1).

Итак, начало августа вроде бы обозначило конверсивную динамику мнений и оценок россиян в отношении реформы социальных льгот, однако она неожиданно прервалась: опрос, проведенный 14–15 августа, показал прежнее соотношение положительно и отрицательно оценивающих реформу – 30% против 44%. Наиболее заметные изменения произошли в низкоресурсных группах – среди людей с неполным средним образованием, пожилых, с доходами до 1000 или от 1000 до 2000 рублей, а также среди жителей больших городов (с населением до 1 млн жителей). В этих группах резко сократилась доля положительно оценивающих реформу и одновременно выросло число затруднившихся определить свое отношение к ней или же заявивших о ее неприятии. Такая динамика объясняется прежде всего “отложенным осознанием” того, что закон принят, и, следовательно, реформа становится реальной. С другой стороны, после третьего чтения закона в Госдуме информационно-агитационное сопровождение реформы было свернуто, что “высвободило” прежние опасения тех, кого она должна была затронуть в первую очередь*. В дальнейшем ажиотаж вокруг замены льгот выплатами и интенсивность обсуждений темы постепенно снижались, что в определенной степени уменьшило общую наэлектризованность настроений [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 47] (табл. 2).

События в Беслане и серия террористических актов, произошедших в стране в конце августа–начале сентября, стали не только ведущей темой сентябрьских новостных выпусков, комментариев экспертов и политиков – они оказались в центре внима-

Таблица 2

	Опросы		
	14-15 августа	21-22 августа	28-29 августа
Скажите, пожалуйста, Вас лично вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами интересует, волнует или особо не интересует, не волнует?			
Интересует, волнует	66	60	58
Не интересует, не волнует	30	34	37

* См. приложения (развернутые таблицы по социально-демографическим группам) к: Доминанты. Поле мнений. 2004. № 33.

ния подавляющего числа россиян [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 37]. В этой ситуации реформа системы социальных льгот – тема, волновавшая наших соотечественников на протяжении всего лета, – безусловно, отошла на второй план. Это касается не только телевизионных передач и газетных публикаций, но и опросов общественного мнения, в которых также превалировала трагическая тематика: представлялось неуместным беседовать с респондентами о социальных льготах в момент, когда всех переполняли переживания в связи с событиями в Северной Осетии.

Опросы, проведенные 25–26 сентября* и 20–21 ноября**, показали, что проблема сохранила актуальность: информированность россиян осталась высокой, внимание – мобилизованным. Угасания интереса не произошло даже среди молодых респондентов, а среди низкоресурсных групп – людей в возрасте от 55 лет и с неполным средним образованием – росла численность тех, кто находил в замене льгот весомый повод для беспокойства. При том что принципиальных изменений в оценках реформы не происходило, данные показывали несколько тенденций: представители высокоресурсных групп демонстрировали склонность к положительным оценкам, а низкоресурсных – к отрицательным. Кроме того, существенно участились негативные отзывы о предстоящей реформе в городах-мегаполисах (с населением более 1 млн человек) – с 40% в сентябре до 61% в ноябре [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 47]. Все эти тенденции формировались в условиях, когда публичных дискуссий на тему льгот стало меньше, но одновременно устойчиво формировался негативный фон в обыденных обсуждениях данной темы (рис. 4).

Таким образом, уже в ноябре 2004 года начинался процесс “мобилизации ожиданий”: реформа социальных льгот вступала в следующую стадию и ожидание каких-то конкретных мероприятий по ее реализации делало обсуждения данной темы все более частыми. Практически весь спектр вопросов, которые россияне хотели бы задать официальным лицам, с завидной регулярностью воспроизводился в дискуссиях на фокус-группах и в ответах на открытые вопросы в течение всего лета и осени***. В ноябре опасения и общее непонимание того, что происходит, усилились.

“Правительство наше непредсказуемо: оно все что угодно может выкинуть. Будут уменьшать и уменьшать <выплаты> постоянно” (ДФГ, Москва).

“Если будут опять расти цены, то это будет не в лучшую сторону населению. Льготы могут потеряться, если цена будет расти. Что-то ведь должно делаться, чтобы так не было? Но я-то не понимаю, если аспирин будет стоить 500 рублей, мне его как-то дадут?” (ДФГ, Воронеж).

“У него <М. Фрадкова> слова русские, слова отдельные понятны – а обобщений смысл очень далек: процесс пошел, на местах все лучше, там договоримся – ну ничего конкретного, ничего” (ДФГ, Москва).

* Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 25–26 сентября 2004 г. 1500 респондентов.

** Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 20–21 ноября 2004 г. 1500 респондентов.

*** О вопросах россиян к официальным лицам см.: Доминанты. Поле мнений. 2004. № 27.

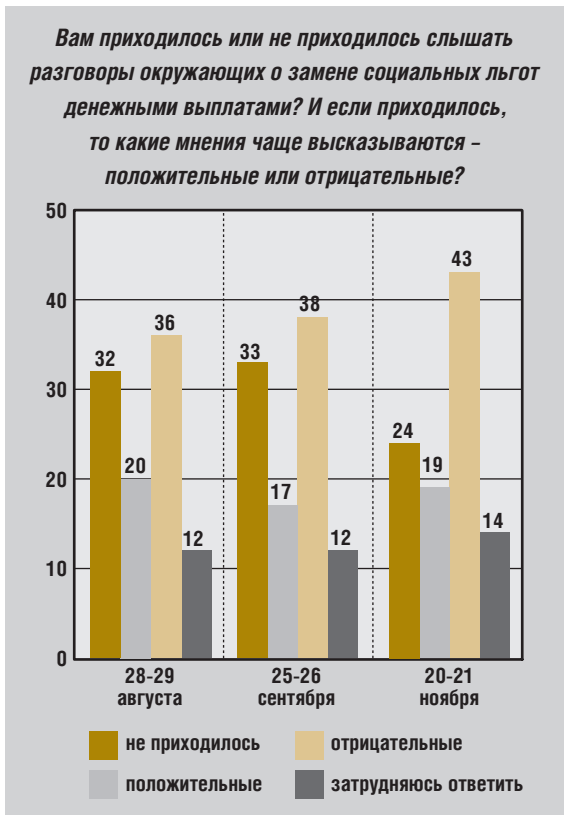

Рисунок 4

Основу аналитического обеспечения законопроекта составляет отчетность организаций, которые предоставляют услуги: транспортников, жилищно-коммунальщиков и тех, кто обеспечивает льготников лекарствами. Но с реальным количеством пользователей льгот эта статистика имеет мало общего. Скажем, если посмотреть статистическую отчетность по льготам на оплату ЖКХ, то можно увидеть, что в некоторых регионах 80% населения имеют право на льготы, а в Дагестане даже 101% населения – такие данные они представляют для того, чтобы получить трансферт из федерального бюджета.

Лилия Овчарова.

Независимый институт социальной политики (НИСП)

“Вот эти недоговоренности постоянные с его <М. Зурабова> стороны: он то одно обещает, то другое – нигде не выполняется... Одно дело – декларировать, другое – практически выполнить. Две большие разницы. То есть декларировано одно – это не выполняется, и не будет выполняться – сто процентов” (ДФГ, Самара).

“Они уже сейчас должны быть готовы... А они говорят: да что, еще только в январе все будет рассчитано, все будет подсчитано, все будет сделано” (ДФГ, Самара).

Социальные настроения и протестная активность

Начало 2005 года, когда реформа системы социальных льгот вступила в этап реализации и стала непосредственно затрагивать льготников и членов их семей, было отмечено массовыми акциями протеста*. Закономерен вопрос – почему они не были массовыми в 2004 году, когда реформа еще не стала “объективной данностью” и ситуация в принципе поддавалась изменениям? Почему акции протеста были, но протестного движения не сформировалось? Не потому ли, что они устраивались некими политическими силами-игроками, а для появления массовых протестов не было никаких оснований? По большому счету, эти вопросы затрагивают очень важную проблему: как соотносятся *социальные настроения* и *коллективные действия*?

Исследования ФОМа показывали, что восприятие текущей ситуации в стране в тревожно-негативных тонах в 2004 году было довольно распространенным. Доля тех, кто считал, что этот год был хуже, чем предшествующий, “для него лично”, увеличилась по сравнению с 2003 годом с 19 до 28%, хуже “для России” – с 11 до 26% [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 50]. В ходе исследования, посвященного изучению социальных настроений, на вопрос, ощущается ли стабильность в обществе**, отрицательно ответили 67% опрошенных, тогда как утвердительно – втрое меньше (22%). Одновременно с этим 80% респондентов охарактеризовали преобладающее среди россиян в настоящий момент настроение как “тревожное” и только 10% – как “спокойное”.

Оценки людьми *своего собственного* настроения и самоощущения – в сравнении с представлениями о ситуации в России в целом – оказались менее негативными, однако все равно большинство респондентов говорили отнюдь не об умиротворенности: 57% россиян ответили, что в последнее время у них было тревожное настроение, и только 38% – что спокойное.

Основное различие между “тревожными” и “спокойными” респондентами – их социальная ресурсность. Первых больше среди представителей старшей и средней возрастных групп (69 и 62% соответственно), среди людей с невысоким доходом – до 1000 рублей на человека в месяц (65%), с неполным средним образованием (68%) и в целом среди не адаптировавшихся к сегодняшней жизни (72%). Вторых – среди молодежи (54%), лиц со сравнительно высокими доходами (43%) и в целом среди людей социально адаптированных и уверенных в своем благополучии в будущем (55%). Такие различия позволяют предположить, что тревоги людей вызываются неуверенностью в том, что им удастся поддерживать необходимый и желаемый уровень благополучия семьи, либо недовольством темпами улучшения своего положения.

* Критерии массовости акций протеста были сформулированы С. Климовой: акции должны проходить в нескольких городах или населенных пунктах; протест затрагивает интересы или права массовой категории граждан; в акциях протеста должны принимать участие сами представители этих категорий населения.

** Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 9–10 октября 2004 г. 1500 респондентов.

Помимо переживаний и надежд, связанных с оценками личного благополучия, социальные настроения безусловно коррелируют с “метатеориями” людей, с их представлениями о проблемах и тенденциях в развитии страны и общества в целом. В октябре 2004 года 39% россиян считали, что страна развивается “в неправильном” направлении, противоположной точки зрения придерживались 31% опрошенных. Примерно пятая часть респондентов (21%) ожидали перемен к худшему в жизни страны, 32% – к лучшему, и еще 30% в принципе не предвидели никаких изменений.

Уверенность в том, что наша страна движется в правильном/неправильном направлении, оказывается важной дифференцирующей характеристикой, в которой интегральным, обобщенным образом отражается субъективное восприятие людьми “вектора общественного развития” – вне зависимости от того, что именно подразумевалось под “правильным” и “неправильным”. Ожидание изменений в стране – это дополнительный параметр настроений, в котором суммируются не только представления людей о степени опасности/безопасности предполагаемых перемен, но и субъективная готовность справляться с трудностями или же осваивать открывающиеся возможности. Расчеты показали, что среди всех опрошенных 28% – это “негативисты”: они уверены в том, что “страна идет не туда”, и не ждут, что она “одумается”. Практически все они говорят о нестабильной ситуации в обществе (94%) и о тревожном настроении россиян (92%). Состояние их “жизненного мира” оказывается соответствующим: они не строят планов ни на отдаленное, ни на ближайшее будущее (57%), в своей жизни либо не ожидают значимых изменений (49%), либо определенно предполагают перемены к худшему (23%)*.

Таким образом, данные показывают, что от четверти до трети россиян были склонны проявлять повышенную тревожность, причем их беспокойство носило системный характер: они не чувствуют стабильности на уровне своего “жизненного мира” и проявляют пессимизм и беспокойство относительно будущего, так как не способны его контролировать или им управлять (не строят планов). Одновременно их понимание макроконтекста своей “частной” ситуации окрашивалось отнюдь не в радужные тона – они ощущали нестабильность ситуации в обществе и, кроме того, полагали, что страна движется в неправильном направлении. Учитывая другие материалы исследований, можно утверждать, что в 2004 году произошло заметное усиление тревожно-негативных настроений. Однако это не находило продолжения в протестной практике.

Протестная активность в период с 2000-го по 2004 год имела несколько важных особенностей, в немалой степени определивших реакцию общества на реформу на первых этапах ее реализации. Во-первых, начало нового столетия и первый президентский срок В. Путина ознаменовались существенным сокращением протестной деятельности [Климова С. 2004. № 15; Гвоздева Е. 2002]. Если в 90-х годах доля вовлеченных в протестные акции составляла – по данным опросов – примерно 6–8%, то теперь она не превышала 3% [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 44]. Нисходящую динамику отмечали не только разные исследовательские центры, социальные аналитики и эксперты, но и сами россияне: в апреле 2004 года

* Для содержательной симметрии следует сказать и о тех, чьи настроения оказываются прямо противоположными. “Прогрессисты” (их 24%) считают, что страна в целом развивается в правильном направлении, и рассчитывают на определенное улучшение дел или хотя бы на сохранение общей динамики. Эта группа в своих оценках не столь однородна, как “негативисты”. Большинство “прогрессистов” также отмечают тревожную атмосферу в обществе (70%), меньшая часть сами испытывают тревогу (42%) и ощущают нестабильность в стране (32%). Однако подавляющее число из них строят планы: 36% – и на ближайшее, и на отдаленное будущее, 39% – только на ближайшее, а также ожидают перемен к лучшему в собственной жизни (60%) [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 41].

37% респондентов сказали, что сегодня акций протеста стало меньше, чем 10 лет назад, и еще 26% утверждали, что в настоящее время они вообще не проходят [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 17].

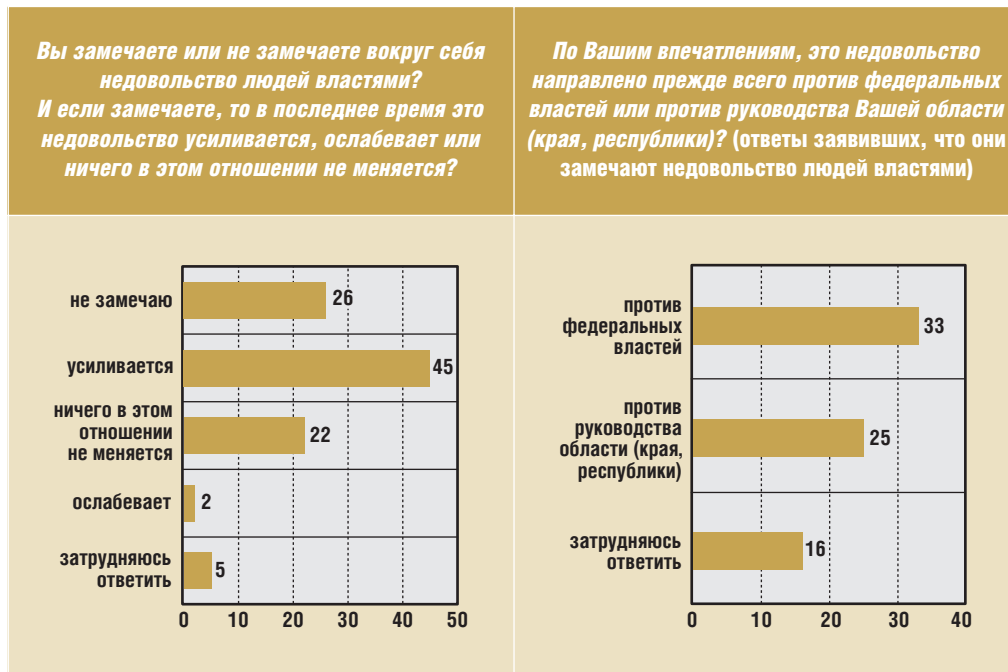
Во-вторых, в этот период протестная активность как форма социального действия оказалась устойчиво легитимированной в общественном сознании: протестовать допустимо и “нормально”, участие в митингах, демонстрациях и пикетах не является поведенческим отклонением. Такой легитимации в первую очередь способствовало то, что появились “предметные” акции протеста, привязанные к определенным проблемным ситуациям: принятие нового трудового кодекса, реформа ЖКХ, уплотненная застройка, проблемы с отоплением или же рост тарифов на коммунальные услуги.

Отношение к подобным акциям в значительной степени определялось следующей закономерностью: когда в восприятии какой-либо акции делается акцент на ее целях и эти цели понятны и близки, тогда она принимается с одобрением и поддержкой (пусть и пассивной). Если же на первый план выходит не содержание, а организатор – инициатор коллективного действия, тогда отношение к акции определяется отношением – как правило, неоднозначным – к организатору. Так, например, акцию бюджетников, проведенную в марте 2003 года в связи с новой концепцией оплаты труда, восприняли с одобрением 81% опрошенных [Доминанты. Поле мнений. 2003. № 10]. Аксию врачей и учителей в октябре 2004 года (в связи с падением уровня жизни) одобрили 52% [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 44]. А вот акция протеста, организованная профсоюзами в июне 2004 года, вызвала одобрение у 28% респондентов, и ее оценки напрямую зависели от восприятия профсоюзов – как структур, защищающих либо, напротив, не защищающих интересы людей [Климов И. 2004. № 25].

Третья особенность очень тесно связана с только что описанной. И у обычных людей, и у тех, кто занимается социальной экспертизой, сформировалось устойчивое скептическое отношение к протестным действиям: они воспринимались по большей части как неэффективные, не приносящие результатов. Протестная деятельность в значительной степени представляется бесполезной, поскольку не оказывает на власть никакого влияния. Даже в случае успешности протестных акций лейтмотивом в их оценках являются темы низкой эффективности протеста и “сиюминутности” его результатов. Даже в отношении октябрьской акции бюджетников, к которой россияне в целом отнеслись с поддержкой и пониманием, преобладал именно критический настрой: на вопрос “*Как Вы думаете, акции протеста помогут или не помогут решить проблемы бюджетников?*” – утвердительно ответили 24% опрошенных, отрицательно – 39% [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 44].

В-четвертых, протестная активность, интерес к ней и ее легитимированность в сознании россиян не стали стимулом для мобилизации новых участников (феномен “пассивной солидарности” [Гвоздева Е. 2003. № 10]). Это, с одной стороны, позволило говорить, что протестное движение не является “массовым”, а следовательно, отражающим установки, настроения или интересы “большинства” россиян. С другой стороны, появился концепт “пассивного”, или “фонового”, недовольства, находящего свое выражение, например, в неучастии в переписи – в деле, “нужном государству”, или в протестном голосовании на многочисленных выборах [Климов И. 2004. № 25]. В любом случае, мобилизованное внимание, ожидание протеста, несогласие с планами властей не породили коллективного действия как практики.

И последнее, пятое. Протестная активность перестала восприниматься как направленная целиком или главным образом в адрес федеральной власти, хотя все-таки

Рисунок 5. Адресаты социального недовольства

“первенство” в 2004 году и принадлежало именно ей (благодаря авторству непопулярного среди значительной части населения закона о замене льгот денежными выплатами) [Доминанты. Поле мнений. 2004. № 44] (рис. 5).

Таким образом, материалы опросов показывают: на протяжении 2004 года в определенных категориях населения формировалась неудовлетворенность текущим положением дел. В низкоресурсных группах усиливались не только опасения относительно личного благополучия, но также ощущения “социетальной” кризисности; происходило “опрокидывание” макропроблем (страны и общества) на проблемы локальные и частные, связанные с актуальной повседневностью людей и с их ожиданиями на ближайшее будущее. Одновременно у подавляющего большинства россиян возникало ощущение нарастающей тревожности в обществе – вне зависимости от оценок собственной жизни и собственных проблем. Случавшиеся акции протеста хоть и вызывали одобрение, но воспринимались как неэффективные. Можно сказать, что они мобилизовывали ожидания чего-то взрывоопасного, но к распространению установок на личное участие в протесте не привели. Январь 2005 года подвел итоги (ожидания начали сбываться) и начал новую событийную цепочку: произошла мобилизация, акции протеста стали реальностью и начали складываться новые ожидания: что дальше? Попробуем предложить некоторое объяснение – не столько тому, что случилось, сколько тому, что предварило случившееся.

Протест ради стабильности

В одном из проведенных ФОМом (в 2001 году) исследований, посвященных изучению “ценностных синдромов” – сочетаемости ценностных выборов, авторам удалось выделить несколько типологических групп, значимо различающихся между собой конфигурацией “ядерных” и “периферийных” ценностных предпочтений [Галицкий Е., Климова С. 2003. С. 74]. Один из ценностных комплексов образовался сочетанием доминант “мир”, “семья”, “достаток” и “стабильность”. То есть это компоненты, наиболее непосредственным образом связанные с “жизненным миром” человека и с тем, что

Несмотря на возросшее социальное, политическое и финансовое давление на региональные и федеральное правительства, Standard & Poor's считает эту реформу (при условии ее последовательного и продуманного проведения в будущем) важным шагом на пути повышения прозрачности и эффективности предоставления услуг в государственном секторе. До сих пор реформа не повлияла сколько-нибудь серьезно на финансовые результаты РМОВ (региональные и местные органы власти), которым присвоены рейтинги Standard & Poor's, однако она несколько ослабила их финансовую устойчивость – судя по снижению текущих балансов некоторых регионов. Сокращение федеральной помощи в сочетании с другими факторами может вызвать рост нагрузки на финансовые системы РМОВ. 28 сентября 2005 г. Standard & Poor's (<http://www.creditrussia.ru>)

обеспечивает его безопасность и устойчивость*. В определенной мере (в какой – предстоит еще выяснить) данный ценностный комплекс более актуален, более драгоценен для низкоресурсных групп: это то, что, с одной стороны, служит источником уверенности в сегодняшнем дне, с другой стороны – источником беспокойства, страха перед днем завтрашним.

Мы видели, говоря о социальных настроениях, что именно представители низкоресурсных групп на протяжении всего 2004 года демонстрировали склонность воспринимать происходящее со все большим пессимизмом и тревогой (напомним, что 94% “негативистов” – людей, считающих, что страна движется от плохого к худшему, – называют сегодняшнюю ситуацию нестабильной). Однако их недовольство и тревожность двойственны. С одной стороны, они, безусловно, тревожатся за свое благополучие и достаток, опасаются непредсказуемого и травматичного будущего. С другой стороны, основания для перемен к лучшему они видят в первую очередь именно в стабильности, тогда как динамика их пугает, кажется неуправляемой и вредоносной – за ощущаемым недостатком социальных ресурсов (не экономических, а именно социальных, определяющихся образованием, специальностью, квалификацией, а также, безусловно, местом жительства и возрастом).

По тем же причинам подавляющее большинство этих людей не участвовали в акциях протеста в связи с первыми шагами реформы системы социальных льгот, хотя воспринимали их со вниманием и одобрением – это корреспондировало с их настроением и переживаниями, а также с негативно окрашенными “обыденными теориями” об особенностях ситуации в стране. Похоже, что готовность низкоресурсных групп действительно возмущаться и протестовать ограничивается ценностью стабильности, с одной стороны, и недостатком социальных ресурсов – с другой.

Для любой социальной активности, а тем более для коллективного действия, необходима уверенность в ресурсах для того или иного предприятия. Это отчасти объясняет факт, зафиксированный в одном из опросов ФОМа: примерно 35% респондентов приходилось организовывать или вести какие-либо совместные с другими людьми действия (работа, творчество, досуг, общественные мероприятия – в том числе, хоть это и называлось редко, протестные акции и т.д.). В подавляющем числе это представители высокоресурсных групп – люди, более адаптированные к современной жизни, со сравнительно большими доходами, специалисты или квалифицированные работники**. Более ресурсные люди склонны к более рациональному действию – они также могут быть движимы тревогой или возмущением, но при этом они обладают потенциалом субъектности и, соответственно, способны к формированию коллективного действия в той или иной форме***.

В низкоресурсных группах потенциал солидарности и, соответственно, возможность коллективного действия существенно ниже [Климов И., Шубкин В. 2005]. Их протест, если уж доходит до этого дело, – это протест эмоциональный, аффективный, запускаемый не еще большим ухудшением ситуации, а посягательством на константы, на слагаемые “стабильности”, принимаемой не столько в качестве объективной данности, сколько в качестве консервативной ценности и базового концепта

* Социологи, занимающиеся изучением процессов социальной идентификации в кризисное время, отмечали компенсаторное усиление примордиальных идентичностей (с семьей, друзьями, соседями, т.е. с близким кругом) как “личностный ответ” на ситуацию неопределенности и социальной нестабильности. См.: [Ядов В. 1994; Данилова Е., Ядов В. 1993].

** Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 11–12 января 2003 г. 1500 респондентов.

*** О важности параметров ресурсности и идентичности см.: [Климова С. 1998].

обыденной картины мира. Когда уже *нет смысла и возможности* держаться за эти константы, когда *надежды* на стабильность сталкиваются с ее *отсутствием де-факто*, точнее, “с умышленным и полным ее разрушением” (в терминах субъективной реальности)*, тогда и отсутствие ресурсов перестает быть сдерживающим фактором.

Таким образом, потребность в объединении с другими людьми тесно связана, с одной стороны, с осознанием себя в качестве актора – “человека действующего”, а с другой стороны – со стремлением человека осваивать все большее жизненное пространство, окружающий мир, все более сложные системы взаимоотношений. То есть готовность к совместным действиям оказывается функцией от целого ряда обстоятельств. Одними из основных здесь оказываются такие параметры, как готовность соотносить и более того – идентифицировать себя с некоторой общностью, а также обладание определенными социальными ресурсами, которые позволяют человеку разглядеть перспективность и понять возможность и необходимость именно совместной деятельности применительно к тому или иному случаю, к той или иной задаче.

Заключение

Любой социальный проект, любые общественные преобразования сопровождаются более или менее значительным изменением “картины мира” и “обыденных теорий”, существующих в сознании людей. Обыденные теории и происходящие в них перемены могут сами по себе служить источником сложностей и утяжелять проблемные ситуации, с которыми обществу приходится справляться, а могут стать основанием для поиска и определения наиболее приемлемых способов действия. Социальные проблемы, таким образом, предстают не только в виде объективно данных ситуаций, относительно которых можно различать “правильные” и “неправильные”, компетентные и некомпетентные мнения. Первичными здесь оказываются иные параметры – тематическая выделенность в публичном дискурсе, а также наличие нескольких групп, субъектов, порой даже отдельных индивидов, отстаивающих собственные позиции по актуальному вопросу. Именно их усилиями происходит мобилизация внимания людей и институций, прежде не включенных в формирование определенного “горизонта событий”, распространяются некие мнения, позиции и утверждения о “фактах”. Их усилиями создается пространство дискурсов, пространство соперничающих друг с другом описаний текущего положения дел, пространство требований относительно множества вещей: стратегических изменений, конкретных и “крайне необходимых” решений, стимулов к действию и самих действий и т.д. То есть “объективные предпосылки” могут так и остаться полем лишь узкопрофессионального экспертного интереса, если не произойдет публичной общественной проблематизации, что сразу же меняет статус, значимость, да и само “качество” проблемы, не говоря уже о составе игроков, участников и “зрителей”.

Исследования, посвященные отношению россиян к теме социальных льгот, позволяют описать наиболее значимые компоненты обыденных представлений, а также показать, как они развиваются и какое влияние оказывают на ход реформы. Задолго до ее начала опросы показывали важность символического аспекта проблемы. В-первых, это тесная связь с представлениями о справедливости, о достатке и “достойном материальном положении”, о социальной дифференциации. В-вторых, это нагруженность ценностными представлениями: льготники – не просто “социально неблагополучные” категории населения, которым из соображений милосердия оказывается помощь, а еще и компонент общей социальной идентичности людей

* Проиллюстрируем это высказыванием участника дискуссионной фокус-группы: *“Правительство само завертело этот штопор. Это как приватизация, только хуже. От этого всем хуже, это затронуло всех, но кто нагреет руки на этом, непонятно. Кажется, что никто. Просто сделали так, чтобы всем стало хуже – и себе, и людям”* (ДФГ, Воронеж).

(особенно это касается ветеранов войны и труда, героев СССР и России, чернобыльцев и т.п.). В-третьих, самостоятельным источником смыслов и ценностных значений является тема льгот и привилегий для чиновников. Здесь действует универсальный механизм построения обыденных теорий – через идентификацию “мы” – “они”. И четвертое. Социальные льготы – это не просто экономический инструмент, финансовые потоки и трансакционные издержки. Это то, что связывает жизнь каждого человека с государством и системой взаимных обязательств, ставшей для значительной части людей не просто “контрактом”, а “естественным компонентом” социальной жизни – наряду со службой в армии, подоходным налогом и одновременно – с бесплатным образованием, медициной и социальными гарантиями. Можно предположить, что в связи с заменой натуральных льгот на деньги представления о том, что такое льготы, будут изменяться, будет меняться как их социальный статус, так и процессы наделения их субъективными значениями. ■

Литература

- Бавин П.* Реформирование системы социальных льгот: мнение формируется на кухне // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 27.
- Галицкий Е., Климова С.* Новый подход к изучению ценностей // Десять лет социологических наблюдений. М.: изд-во Института Фонда “Общественное мнение”, 2003.
- Гвоздева Е.* Акция протеста бюджетников: митинговать не эффективно, но нужно... // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 10.
- Гвоздева Е.* Пенсионная реформа – “А доверять деньги государству по-прежнему не хочется...” // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 41.
- Гвоздева Е.* Протестные настроения российских граждан // Доминанты. Поле мнений. 2002. № 19.
- Данилова Е., Ядов В.* Контуры социально-групповых идентификаций личности в современном российском обществе // Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1993.
- Климов И.* 2004 год: протестные настроения российских граждан // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 25.
- Климов И.* Реформа системы социальных льгот: динамика мнений // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 28.
- Климов И.* Реформа системы социальных льгот: динамика мнений после принятия закона // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 32.
- Климов И.А., Шубкин В.Н.* Социальная разобщенность как феномен массового сознания // Россия реформирующаяся / под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2005.
- Климова С.* Деньги вместо льгот: равноценна ли замена? // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 23.
- Климова С.* Протестная активность россиян: динамика и потенциал // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 15.
- Климова С.* Репертуар солидарных действий рабочих в ситуации трудового конфликта // Солидаризация в рабочей среде. Под ред. В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998.
- Экономика льгот.* Аналитический доклад. Аудиторско-консалтинговая компания ФБК. М., 2003 (<http://www.fbk.ru>).
- Ядов В.* Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности – 2. Кн. 2. Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1994.
- Ясавеев И.Г.* Социология социальных проблем // Социология: Учеб. пособие. Под ред. С.А. Ерофеева, Л.Р. Низамовой. Казань, 2001.